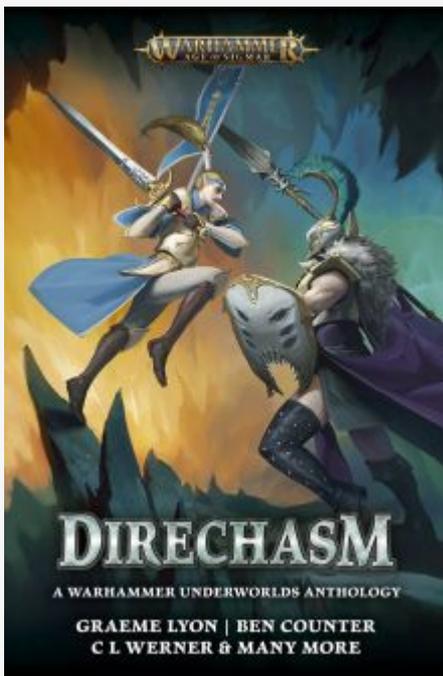


Ухмылка бармаслиза / The Jabberslythe's Grin (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Ухмылка бармаслиза / The Jabberslythe's Grin (рассказ)



Автор	Бен Каунтер / Ben Counter
Переводчик	соц
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Зловещая бездна / Direchasm (сборник)
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Аннотация: Заносчивый оручий вождь Моргок спускается со своей бандой в подземелья Зверомогильной горы на охоту. Не станет ли подъем назад более тяжелым испытанием?

— Папался, — произнес Моргок.

Покрытая боевыми шрамами морда разошлась в улыбке. Он вытащил парные мечи, и свет от

хрустальных стен пещеры блеснул на покрытом вмятинами металле.

Тварь ухмыльнулась в ответ. Перед ним стояло отталкивающего вида чудовище с телом громадной жабы, парой витых рогов и гривой спутанной шерсти цвета засохшей крови. Хвост его оканчивался шипастой костяной шишкой. Оно также имело пару изодранных крыльев, которые каким-то чудом могли поднимать в воздух его обрюзгшее тело. От существа исходила едкая вонь тухлятины и болотной жижи.

— Босс, это бармаслиз, — сказал Тагг. Подручный Моргока уже достал обе дубины и обходил чудище кругом, стараясь зайти тому сбоку. Чтобы твари некуда было сбежать, остальные из орручей банды рассеялись по пещере — в конце концов, они несколько дней выслеживали ее по ходам и лавовым трубкам Зверомогильной. — Не сматри ему в глаза. Он запутает тебе мазги!

— Сматрю, куда хочу, — огрызнулся Моргок. Он присмотрелся к дерганым движениям обрюзгшего тела бармаслиза. Тот был быстрее, чем казалось на первый взгляд. И умнее. С того самого момента, как орруки напали на след зверя, тому хватало хитрости уходить от них много дней. Теперь, когда он был у них в лапах, охотники не собирались дать ему уйти.

Бармаслиз, переваливаясь, двинулся вперед. Он понял, что Моргок — босс, такой же хищник, как он сам, и направился прямо к нему. Лапа бармаслиза обрушилась на землю, где тот только что стоял, но оррук пригнулся и шагнул назад. На пол посыпались осколки потревоженного горного хрусталя. Моргок махнул одним из своих кромсателей, метя противнику в голову, и лезвие отрубило твари один из его бараньих рогов.

— Типерь не такой красивый! — заржал Моргок, глядя, как ревет разозленный бармаслиз. Остальные орруки бросились рубить и колоть зверя с боков. Твердалоб размахнулся огромной двуручной палицей, и оружие с хрустом впилось заднюю лапу твари. Та лягнула в ответ, но, промахнувшись, попала в грудь другому орруку. Зеленокожий впечатался в стену, и в воздух полетели острые осколки кристаллов и ошметки мяса.

Моргок воспользовался короткой заминкой и ударил вторым оружием. Лезвие прорезало бородку из склизкой кожи и обнажило участок горла. Зверь снова пронзительно завопил, и один из низко посаженных желтых глаз, зло прищурившись, уставился на Моргока.

Босс ощутил, как взгляд бармаслиза свертывался ему в голову. Зверь начал обдирать его разум слой за слоем, пока не открыл самое нутро — бурлящую массу гнева, которую носил в себе каждый оррук. Это море ярости вскипело, поднялось и готово было выплеснуться, доведя Моргока до бешенства, в котором тот убил бы каждое живое существо в этой пещере, пока не утолил его.

— Прочь! — проревел зеленокожий, и врата его разума с грохотом захлопнулись. Моргок дерется только по своему желанию, не прислуживает сильному, и никакой твари не подчинить его, не вывести его из себя. Моргок — военный вождь, самый сильный оррук в Гуре, и он никому не подчиняется.

Бармаслиз раззявил пасть, и из его горла выпрыгнул ярко-красный, мускулистый язык. Обмазанный слизью мускулистый узел на его конце врезался Моргоку в грудь и прилепился к тяжелому нагруднику. Язык стал втягиваться обратно и, свалив оррука с ног, потащил того прямо к усеянной клыками пасти.

Иной мог бы и испугаться, но Моргок давно отбросил страх. Все прочие настолько увязли в ужасе, что даже не понимали — можно выбирать, что чувствовать. Но Моргок знал. У него были ощущения получше страха, например, как сейчас, прилив радости от того, что бармаслиз тащил его на расстояние удара кромсателя.

Растягивая морду до совершенно гротескных размеров, распахнулась пасть. На конце усеянного зубами пищевода Моргок разглядел мешанину едких внутренностей. Отыскав взглядом пробел между клыками, он уперся одной рукой в верхнюю челюсть, а железным сапогом — в нижнюю. Бармаслиз попытался захлопнуть пасть и развалить Моргока надвое, но тот изо всех дарованных Гуром сил держал ее раскрытой, так чтобы зверю не удалось разгрызть его. Свободной рукой Моргок вогнал клинок бармаслизу в небо.

На оррука брызнула едкая желчь. Он ощутил жгучие капли и использовал боль, чтобы направить гнев и, превратив его в силу, вдавить клинок глубже и повернуть его. С чавкающим звуком хрустнула кость.

Через рану стали вываливаться ошметки разрезанного мозга. Голова бармаслиза ухнула об пол, и из его челюстей выкатился Моргок. Он вытащил меч, вместе с которым хлынула гигантская волна пахнущей горечью крови. Вождь стряхнул с клинков кислоту и мозги и вогнал оба кромсателя в закатывающийся в агонии глаз.

Остальная банда бросилась к зверю, чтобы нанести по удару. Бармаслиз в предсмертных конвульсиях молотил лапами по полу, и Тагг размозжил ему переднюю. В ребра с хрустом впиалась палица Твердалоба. Туловище развалилось, наружу черно-красной массой вывалились внутренности. Орручи копья, дубины и мечи глубоко вгрызлись в тело твари, разрывая жизненно-важные органы, пока та не дернулась в последний раз.

На один долгий миг в пещере было слышно только тяжелое сопение уставших орруков и бульканье оседающего и истекающего жидкостями тела.

— Каво потеряли? — проворчал Моргок, вытащив мечи из глазницы твари.

— Боргита, — отозвался Тагг, тыкая пальцем в одного из мертвых зеленокожих на полу пещеры. — Ему досталось хвостом. Еще затаптали Губкрука.

— Считай, никаво.

Моргок поставил ногу на голову зверя и повернулся к оставшейся дюжине орруков.

— Так, парни! — гаркнул он. — Мы сюда пришли кое-что даказать. Что мы заваеватели! Карали! И вот даказательство! На нас прыгает самая здоровая и злая тварь Зверамагильной, а мы ее проста заваливаем! — Он вогнал клинки в затылок бармаслиза и сделав несколько энергичных движений, рассек тому позвоночник и мышцы шеи. С потоком крови голова отделилась от тела. Моргок схватил ее за уцелевший рог и поднял высоко над землей. Челюсть твари отвисла в полуосмысленной, звериной ухмылке.

— Когда асталные увидят это, ани скланятся перед виличайшими ахотниками в Гуре! Когда Горкаморка увидит, мы палучим место в стране вечной ахоты! Парни, мы сделали это! Пришли в Зверамагильную и взяли у нее что захатели!

Банда ликовала, и их шумные возгласы эхом разлетались во все стороны по хрустальным тоннелям горы.

Кто-то приходил сюда самоутвердиться или раскрыть секреты этого странного и смертельно опасного места. Здесь сводили счеты. Сюда вели предсказания и фанатичная вера. Но еще ни у кого не получалось так, как у Моргока. Еще ни один не побеждал.

Вождь перебросил голову через плечо.

— Типерь, идем домой.

Карты Зверомогильной не существовало. Как и само владение Гур, гора вместе со своим подземным царством отказывалась склонить голову перед пером ученого. Она была не просто возвышенностью, не просто лабиринтом подземных ходов и тоннелей. Она была душой владения зверей, «ур-горой», первовершиной, такой же необузданной и хаотической, как те первобытные века, что предшествовали творению Восьми владений.

Зверомогильная не была живой — точно не в том смысле, в каком были живы населяющие ее чудовища — но она обладала собственными стремлениями и волей. Невозможно было сказать, чего именно хочет это место, и для чего нужен ему нескончаемый поток кладоискателей и охочих до славы авантюристов, но те стягивались сюда, как мухи к тухлятине. К ущельям Зверомогильной вели слухи о спрятанных богатствах. Сюда стекались, услышав о целой сгинувшей цивилизации, которая когда-то населяла гору и знала тайны самой зари времен. Ну а кто-то приходил к горе, просто потому что она была здесь.

Развалины фортификационных сооружений и базовых лагерей усеивали склоны Зверомогильной, ибо владение зверей подавляло любую попытку насадить здесь какую-либо цивилизацию. Изнутри гора была испещрена ходами, оставленными гигантскими животными, вулканическими кратерами, пещерами, изрезанными жилами горного хрусталя, и лавовыми озерами. Вся она беспрестанно изменялась и исполнялась новых опасностей. То здесь, то там попадались постройки, возведенные руками давно ушедшего Безмолвного народа, упрямо стоящие, как свидетельства их гибели. Стоило искателям славы ступить под своды Зверомогильной, у них больше не было надежного, нанесенного на карту пути назад. Гора менялась и отрезала их от внешнего мира, наказывая за спесь и попытки привнести порядок и логику в самое сердце Гура.

Моргок понимал это. Выслеживая зверя, с которого можно было взять трофей, его банда, «Крушилы», с боем пробивалась вниз, и босс был готов к тому, что путь назад тоже придется завоевывать. Покрытый еще незажившими кислотными ожогами и с головой бармаслиза за плечом, он вел своих оружков через кристаллические пещеры, потом через тесные ходы, устроенные склизкими, похожими на червей тварями, а также ямы, в которых те откладывали кучи яиц. Раз они перешли по мосту из переплетенных корней, висевших над рекой черной жижи, которая была забита скелетами. Видели осевший в землю храм, выстроенный в честь богов, которым никто не поклонялся целую эпоху.

Чуть больше половины осталось от той банды, которая когда-то начала взбираться по уступам Зверомогильной. Гора взяла свое: оружки послабее сгнули в погоне за бармаслизом, многие погибли во время подъема к поверхности, в попытках найти путь домой. Было так, как должно быть. Моргок был готов принести горе в жертву слабаков.

И вот, настал час, когда банда из лабиринта тесных тоннелей вышла к Сводам бездны, туда, где внутренности горы оканчивались бездонными шахтами и провалами.

— Я слышал об этом месте, — произнес Тагг, трогая ногой пол впереди себя. Над одной из расселин проходила узенькая тропка из растрескавшихся камней, куски которых, кувyrкаясь, летели вниз от каждого шага. Звук удара о дно не было. — Ветер начинает задуть и подхватывает тибя. Швыряет вниз. Гора тибя сжирает.

— Нас — нет, — заявил Моргок. — Так она миня не убьет. Я спустился в глубины и взял, что хател. Гора меня уважает. Я заслужил. — Он зашагал по узкому каменному мосту и остановился на полпути. Вокруг

него не было ничего, кроме бесконечной темноты. — Слышь? — выкрикнул он, и эхо на сто ладов вторило ему. — Моржок ни перид кем не прогибается! Чтобы убить миня, нужно больше, чем дыра! Больше, чем бармаслиз! Больше, чем вся Зверамагильная!

Будто в ответ, замерцала и зашевелилась темнота. В глубинах бездны, как серебряная жилка под водой, занялось мертвенно-бледное, голубоватое свечение. Проблески постепенно сгущались в образы, похожие на зубчатые стены и башенки, и развевающиеся над крышами флаги.

— Это же город, босс, — сказал Тагг, подбежав по мостику к Моргоку. — Город Безмолвнава народа. Тех, которые жили тут раньше.

Вид продолжал проясняться. На мраморных стенах проступали позолоченные фрески. Появлялись, окруженные колоннами, безликие статуи. За каждой аркой, за каждым оконным проемом поблескивало золото и серебро.

— Босс, ты понял? — продолжал Тагг. Чтобы лучше разглядеть город, на мост подтягивались еще орурки, и в их красных глазах отражался серебристый блеск. — Мы это сделали! Мы пабедили! Пабили гору и палучили вот это! Грабить целый город! — Рожа Тагга растянулась в ухмылке. — Мы саждем его дотла!

Моржок уже чувствовал дым горящих домов, которые его «Крушили» сравнивают с землей, оставив лишь обугленные развалины. Слышал, как смеется Горкаморка при виде охваченного пламенем великолепия. Видел, как рушатся башни. Потрясающее зрелище, в котором было все, что воспитало в нем владение Гур. Разрушение цивилизации и его, Моргока, триумф.

Он чувствовал, будто это уже произошло, хотя и понимал, что это не так.

— Город в твоей башке, разиня, — рявкнул он на Тагга, но подручный, кажется, не слышал его. Тагг был в банде самым хитроумным, и, когда он, перегнувшись через край бездны, тыкал пальцем в светящиеся городские башни, остальные охотно смотрели туда же.

— Нас будут баяться все Восемь владений! — выпучив глаза, ревел Тагг. — И худышки, и каратышки станут нам кланяться! Мы...

Моржок отвесил ему подзатыльник. С края осыпающегося моста свалился один из орурков, но, кажется, никто из банды не заметил в бездонной темноте кувыркающееся тело. Тагг обернулся к Моргоку, и теперь его глаза горели злобой.

— Он наш! — вопил Тагг. — Мы до ниво даберемся!

Моржок схватил его за горло и приподнял над мостом. Взревев, он боднул Тагга точно в нос и ощутил, как под крепкой костью хрустнул хрящ. Затем он швырнул подручного на пол и повернулся к остальным членам банды, которых из оцепенения вывел звук сломанного носа.

— Она лезет вам в голову! — гремел он. — Вы, безмозглые балваны! Гора пакажет, что вы хатите, и праглотит вас! — Он поставил Тагга обратно на ноги и показал всем его разбитую морду. Нос орурка был сплюснен, по груди текла кровь, а сам он с трудом дышал. — Типерь, жива тащите задницы на ту сторону праклятого моста, или я вам всем лица сламаю!

Зеленокожие спешно перебирались по тонкому мосточку на дальний край ущелья. Тем временем мираж города под ними пропадал, не в силах тягаться за внимание банды с яростью военного вождя. Тот,

пропихнув Тагга вперед себя, перешел бездну последним.

— Тагг, ты вроде должен быть самым умным, — проворчал он.

— Я думал, мы сажжем ево... — промямлил тот.

— В этом твоя проблема, — сказал Моргок, проходя через трещину, ведущую из Сводов бездны к верхним уровням Зверомогильной. — Думать — аставь мне.

— Адин папался! — крикнул Твердалоб, вытаскивая из теней возле осыпающихся стен тоннеля извивающуюся, мохнатую тварь. Пленник дрыгался в лапах зеленокожего, пищал и испускал вонючий, мускусный запах.

— Знал, что кто-то следит за нами, — сказал Моргок. Распихивая орруков плечами, он протопал назад по тоннелю из головы колонны. Все это время банда медленно и мучительно пробиралась по тесным проходам, вырытым каким-то гигантским червеподобным созданием, которое, кстати, могло обретаться где-то поблизости. И за последний день-два (насколько вообще можно было следить за временем в Зверомогильной) за ними по пятам следовал кто-то еще. Моргок бросил сердитый взгляд на непонятный клубок извивающейся шерсти в пальцах Твердалоба.

— Давай его суда.

Тот швырнул существо на землю к ногам босса. Оно злобно посмотрело на Моргока крошечными черными глазками и съежилось в дрожащий комок. У него было длинное рыло, выдающиеся наружу резцы и голый, розовый хвост.

— Скавен, — фыркнул Моргок. — Праклятые крысалуды. Так вы, паразиты, выслеживаете нас? Хатите пырнуть в спину?

Скавен издал несколько высоких чирикающих звуков, которые могли быть как фразой на их языке, так и просто нечленораздельным выражением ужаса.

Моргок приподнял крысу за шкурку. В ту же секунду та выхватила откуда-то из спутанной шерсти на брюхе меч с выщербленным лезвием, но оррук вцепился ей в запястье и принялся выламывать лапу, пока не выдернул плечо из сустава. Создание заверещало, и дрянной клинок лязгнул об пол.

— Какой план? — выпытывал Моргок. — Засада? Отрава? Что?

Но скавен только пищал и вырывался и продолжал разбрызгивать мускус ужаса. Моргок рыкнул от досады и впечатал того в стену, раздробив бедняге все кости. Затем он еще раз приложил его об камень. Разбитый череп с хрустом болтался туда-сюда на переломанной шее.

— Ани хитрые, эти крысалуды, — заметил Твердалоб.

— Больше нас? — отозвался Моргок, выбросил мертвую крысу.

— Некоторые из них — да. — Твердалоб был далеко не самым сметливым в банде, но точно — одним из сильнейших — к тому же он догадывался о своем скудоумии, что делало его весьма полезной горой мышц. Среди крушил он один был почти такого же роста, как и Моргок. И обычно вождю не перечил...

— Идем дальше, — скомандовал Моргок. — Выход наружу близка. Я уже чую. Крысалудам нас не

задержать. — Моргок придвинул морду вплотную к Твердалобу, навалившись на того всей небольшой разницей в росте. — Если только не возражаешь.

— Я просто сказал, — не уступал Твердалоб. — У нас несколько дней не было хорошей драки. Если каво стучают, только нас самих. Теперь на нас ахотятся скавены. Мы что, тут для этава? Чтобы на нас ахотились? А я говорю, мы сами тут ахотники!

— Так что, па-твоему, нам делать? — мрачно спросил Моргок.

— Падеремся с ними! — резко ответил Твердалоб, и среди орруков прокатилось одобрительное ворчание. — Это точно те крысалуды, которые убили Блоргрота! Ему в глаз угадила атравленная стрела! И Здоровяка Флургрога они утащили!

— Ты здесь с ними сабрался драться? — спросил Моргок. — В этих ходах? Это их места. Они могут нападать на нас с любой стараны и убивать по одному.

— Лучше, чем убежать!

Моргок сбросил с плеча голову бармаслиза, которая несколько дней висела там на связанных друг с другом длинных сухожилиях, и наполовину вытянул меч из ножен.

— Мы не бежим, — произнес он. — «Крушили Моргока» ни от каво не бегают. Мы выбираемся из горы, чтобы весь мир узнал, что мы — лучшие, и никаким комкам паршивой шерсти нас не задержать.

— Я думал, ты ахотник, — презрительно протянул Твердалоб, — а не дабыча.

— Решил главным стать? — Моргок положил лапу на рукоять второго меча.

— Ага, решил. — Твердалоб снял с перевязи из-за спины шипастую булаву и демонстративно взвесил ее в руке.

— Хочешь банду себе? — прорычал Моргок, обнажая мечи. — Придется атабровать.

Среди орруков иным путем вопросы не решались. Или сила, или могила. Дубина — лучший аргумент. Единственной формой содержательного спора на гурских просторах считалась потасовка.

Моргок был быстрее, но и Твердалоб оказался готов. Он выставил палицу перед собой, и первый меч врезался в ее рукоять. Зеленокожий тут же пнул босса и, угодив тому в брюхо, оттолкнул его подальше в тоннель прежде, чем на него обрушился второй клинок.

Твердалоб взревел и бросился на Моргока. В тесном проходе он не мог воспользоваться своим излюбленным смертельным приемом (огреть противника двуручной палицей по голове), поэтому взял ее, как копье и понесся на босса, метя тому в живот. Моргок отступил в сторону, пропустив палицу мимо себя, и вогнал лезвие кромсателя в самый центр лба Твердалоба.

Но того прозвали так не зря. Кости крепкого орручьего черепа защитили его крохотный мозг от удара. Даже больше — лезвие вошло глубоко в лоб и просто застряло в нем. Тряхнув головой, зеленокожий вырвал меч из руки Моргока и снова отпихнул его от себя. Кромсатель все еще торчал у него между глаз.

Моргок опешил на миг: внезапно он оказался в невыгодном положении, без одного меча, и противник, которого он уже считал мертвым, был еще жив. Твердалоб, не раздумывая, воспользовался

возможностью. Взмахнув палицей сбоку, он попал боссу в плечо. Оружие с хрустом врезалось в мышцы, а в сустав глубоко впились шипы.

Боль ничего не значила. Она пройдет. Останутся только шрамы, напоминающие миру о том, из какой передраги может выбраться Моргок. Поэтому, не обращая внимания на разливающуюся из плеча агонию, вождь выставил здоровую руку с мечом острием вперед к несущемуся на него Твердалобу.

Клинок угодил тому в горло и прошел дальше — сила Моргока и встречное движение противника вогнали широкое, зазубренное лезвие в шею по самую рукоять.

По груди Твердалоба полилась кровь. Даже его маленький мозг вынужден был признать, что рана смертельна. Оррук попытался что-то сказать разрезанными голосовыми связками, нижняя челюсть несколько раз подвигалась, с губ слетели красные капли. Он осел на колени, и выпавшая из лап палица гулко ухнула об пол.

Моргок уперся ногой в ему в грудь и вырвал меч из горла. Мятажный оррук шлепнулся на спину, из его лба все еще торчал второй клинок. Моргок выдернул и этот меч и, используя оба, разрезал то, что осталось от шеи противника.

Остальные члены банды молча смотрели, как он привязал его голову теми же сухожилиями, на которых болталась башка бармаслиза, и перекинул обе через плечо.

— Кто-нибудь ищѐ? — прорычал он.

Никто из крушил не ответил.

— Гора пудрит вам мазги, — продолжил Моргок. — Заставляет тварить тупости. Она хочет, чтобы вы астались тут. Она дабралась до Твердалоба. Еще раньше — до Тагга. Но меня она не палучит. Мы уходим атсюда. Вы идете за мной или сдыхаете.

Отвернувшись от лежащего на полу безголового трупа, вождь зашагал туда, где, как он решил, лежал путь наружу. Остальные крушили последовали за ним, оставляя в крови Твердалоба цепочку следов.

Моргок уже видел тусклый лунный свет и ощущал на морде прохладный и свежий воздух. Ходы уступили место сначала тоннелям из блестящей черной бальсы^[1], затем — тесной корневой системе, в извилистых потемках которой потерялось еще несколько орруков. И все же, путь на поверхность обнаружен.

Выход находился на другом конце пещеры. Когда-то здесь был храм, вырезанный прямо в скальной породе, он принадлежал безмолвным, и был устроен в давно забытую эпоху теми, чьи долговязые и безликие статуи стояли возле полуколонн и осыпающихся барельефов. У одного входа располагался жертвенник, расписанный словами, которые никто не произносил уже несколько столетий. Потолок, некогда сводчатый, с ребрами из резного камня, теперь просел и обвалился в тех местах, где сверху пробилась корни растений. Пол был выложен мозаикой, которая частично проглядывала между лужами воды и наносами песка.

— Босс, палучилось, — сказал Тагг. Собравшиеся за его спиной орруки, не скрываясь, радовались окончанию подземного марш-броска.

— Пачти, — заметил Моргок. — У нас пачти палучилось.

Из темного угла храма просвистела стрела и уткнулась в бок одному из зеленокожих. Пока она летела, Моргок разглядел, что на наконечнике поблескивал черный яд. Раненый, содрогаясь в конвульсиях и изрыгая кровавую пену, тяжело повалился на пол.

Крохотные глазки, собираясь в тенях, посверкивали из темноты.

— Мы лучшие! — завопил Моргок. — И никакие крысалоуды не скажут обратного! — Он бросил на пол оба своих трофея и вытащил кромсатели. Остальные крушили с оружием наготове принялись оглядываться. — За дело, парни! Пара избавится от паразитов!

Скавены дюжинами лезли из теней. Разумеется, численно они превосходили оруков, в конце концов, скавенов — всегда больше. Они пищали и чирикали на бегу. В надежде застать Моргока врасплох двое попытались спрыгнуть на него со сводов потолка, но тот закрутил клинки вокруг себя и ощутил, как лезвия утыкаются в покрытые шерстью тела. Одного крысолюда разрезало ровно надвое, а другого, окровавленного и переломанного, отбросило на пол. Он попытался поднять парные кинжалы, но Моргок наступил ему на голову, размозжив череп.

По всему храму раздавался лязг клинков и хруст костей, ломающихся под ударами дубин. Несколько мертвых и раненых крысолюдов уже валялось на полу, другие, внезапно передумав нападать, удирали в темноту. Паре скавенов все же удалось копьями пригвоздить к колонне ревущего от боли орука. Еще один зеленокожий швырнул крысу об стену, но другая подобралась к нему со спины и всадила кинжал между ребер.

Тагг дубиной размозжил голову одному крысолюду и сразу же, подняв фонтан крови, словно битой, отбросил его тело от себя.

— Ну канечна, Зверемагильная, нада было падкинуть нам последнее испытание! — проворчал он, отвесив очередному скавену оплеуху, от которой тот под хруст сломавшейся шеи улетел через весь зал. — Но мы ее адалеем! Мы пабедим гору!

И, будто в ответ, из дальнего угла, похожая на сморщенный черный палец, к нему потянулась дуга пульсирующей тьмы. Она вонзилась Таггу в макушку и вышла из спины — его словно насадили на вертел магической энергии. Сила выжигала зашедшегося в спазме орука изнутри. Кожа покрывалась волдырями и облезала, обнажая дымящиеся мышцы и кости. Рука, все еще сжимающая дубину, отлетела в сторону. Глаза лопнули и зашипели. В считанные мгновения копье черной молнии испарило, сожгло и развалило на части его тело.

— Ищите серава! — выкрикнул Моргок. Он уже сражался с крысолюдами и знал, что нужно опасаться их вожаков с бледно-серыми шкурами — мудрецов и предводителей — тех, кого благословило и прокляло их божество.

Такой нашелся за жертвенником. Сгорбленное, иссохшее создание со спутанной шерстью и болезненного вида розовыми глазами. Над безобразным рылом нависала пара рогов, а на рассеченной губе скопились фурункулы. Крысолюд опирался на высокий, кривой посох с бронзовым колоколом вместо набалдашника, который звонил каждый раз, когда колдун посылал через храм очередной разряд черной энергии.

Моргок знал, если хочешь, чтобы что-то было сделано, берись за это сам. Он бросился через храм, распахивая в стороны скавенов и оруков. На бегу зеленокожий заметил, как колдун, поняв, что стал мишенью вождя, в панике оглядывался в поисках места, куда бы ушмыгнуть, и его сердце радостно

забилось.

Серошкурый просипел слова силы, и под ногами оррука камень стал превращаться в жидкость. Но того было не остановить жалкими крысиными заклятиями. Чтобы не угодить в смолистую лужу, расползающуюся по разбитой мозаике, Моргок вспрыгнул на поваленную колонну, а затем — на жертвенник. Он оказался прямо над скавенским колдуном и с ревом воздел оба меча.

Крысолюд издал протяжный вопль, и воздух сделался густым от магической силы. Он направил энергию в себя, и его тело стало выворачиваться от внезапной мутации. Разрывая кожу, под шерстью вздувались мышцы. Сам он разбухал несимметричным комом плоти по мере того, как увеличивались и меняли форму его внутренние органы.

Отчаянная попытка, последний трюк, чтобы сравниться с внушающей ужас мощью оррука. Не выйдет.

Скавен со всей новообретенной силы махнул посохом, и Моргок машинально повернулся боком, чтобы принять удар плечом.

Босс «Крушил» не открыл остальным, как сильно его потрепала драка с Твердалобом. Военный вождь никогда не показывает слабости, сколь бы остро ее ни ощущал. Никому, даже Таггу, он не сказал, что Твердалоб своей палицей сломал ему кости плеча и вывихнул сустав.

Моргок не обнаружил своего изъяна, притворился, будто у него нет уязвимых мест, но это было не так, и скавенский колдун нашел одно.

Оррук тяжело пал на колени, все его тело пронзила боль. Она оглушила и ослепила его. Приказав себя прислушиваться к звону стали, голосам орруков и скавенов, кричащих от боли и гнева, он заставил разум проясниться. Оррук увидел, как из-за жертвенника встает во весь рост серошкурый мутант, как он скалит желтые резцы и пронзительно пищит, предвкушая победу.

Один из мечей Моргока упал на алтарь, но вторым он заберет голову колдуна.

На миг отвлекшись и оставшись без защиты, оррук дал шанс другому скавену. Тот искусно умел скрываться в темноте, показываясь лишь перед самым убийством, и Моргок не заметил, как он крадется к нему. Крыса вспрыгнула на жертвенник за спиной босса и вытащила покрытый ядом кинжал.

Какая-то малая часть разума, которой Моргок еще мог рассуждать здраво, задалась вопросом, почему ухмыляется серошкурый.

Скавенский убийца погрузил кинжал в спину Моргока. Лезвие пробило мышцы между ребрами и через ткани легкого вошло в сердце. Оно убило бы оррука даже без яда.

Моргока будто внезапно окунули в ледяную воду. Такого он еще никогда не испытывал, и знал, что это плохо. Он потерял контроль над собственным телом. Не в силах удержаться, вождь рухнул на пол. Последним, что он увидел, была ухмыляющаяся голова бармаслизы, валявшаяся в грязной луже на другой стороне храма.

В теплом и лишенном света сердце Зверомогильной, там, где от гигантской корневой системы осталось несколько заросших лозой пещер, ревели и тряслись три новых, здоровенных зеленокожих тела, прорывавшихся через паутину ветвей. Разрываемые переродовыми муками, они бушевали и выли во чреве горы.

Моргок обессиленно упал на колени. Все его тело болело. По спине, от того места, куда угодил кинжал крысолюда, расходился отголосок обжигающе холодной боли. Когда к нему вернулся рассудок, он обнаружил, что на нем все еще надет доспех, а оба меча лежат рядом. Вот только трофеи — пропали, и голова бармаслиза больше не могла поприветствовать его своей ядовитой ухмылкой. Он не знал, что это за место, но был уверен, что они все еще внутри горы.

Рядом он увидел Тагга, который отчаянно пытался вытащить ногу из спутанных лоз, заполнивших почти всю эту огромную и темную пещеру. Твердалоб тоже был здесь, снова с головой на плечах, он недоуменно оглядывался, подбирая свою гигантскую двуручную палицу.

— Что случилось? — спросил он. Одна из его мясистых ладоней ощупывала горло, будто он рассчитывал найти там рану, по которой голова отделилась от тела.

— Тибя убили, придурак, — резко ответил Моргок.

— Но мы не мертвы, — заметил Тагг. — Гур вроде должен дать нам драку, которая длится бесканечно. Вечная ахота. А не... Вот это.

— Нас вернула гора, — сказал Моргок. Он увидел все с удивительной ясностью. Охоту, ради которой он вошел в эту гору, погоню за жертвой по здешним тоннелям, саму природу Зверомогильной. Все складывалось в единую картину, которая была гораздо больше отдельных ее частей. Он впервые понял ее, и для него, как никогда прежде, все встало на свои места.

— Зачем? — спросил Твердалоб.

— Патаму что мы не лучшие, — ответил Моргок. — Пака. Ну, убили мы аднаво бармаслиза. И пару крысалиюдов. У горы для нас таких еще сотни. Дичь, которая пладится в этих краях. Раждается в сердце горы. Зверамагильная не атпустит нас, пока мы не пакажем себя против всех их.

У владения Гур своя красота. Здесь нет места оттенкам серого и хитрой политике. Только хищники, битвы и смерть. Зверомогильная была не просто горой, но самой душой Гура, волей этого владения, и она впустила Моргока в себя, чтобы эту волю тому изъяснить. Мало было взять один трофей и удивить других зеленокожих, как делали это тысячи военных вождей до него. Охота закончится, лишь, когда не останется дичи.

— Что нам делать? — спросил Тагг.

Моргок стоял, сжимая кромсатели. Он ощущал, как среди камней ползают могучие змеи, «вюрмы», как шагают где-то другие искатели приключений, пришедшие, чтобы вырвать у горы ее тайны. Он чувал мускус крысолюдов и запах покрытых потом людей, которые поклонялись Темным Богам. Слышал стенания призраков и вой божественных зверей. Все это — добыча.

— Убивать, — ухмыляясь ответил Моргок.

1. Бальса — бальсовое дерево, относится к семейству бомбаксовых

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ухмылка_бармаслиза_/_The_Jabberslythe%27s_Grin_\(pacckaз\)&oldid=21122](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ухмылка_бармаслиза_/_The_Jabberslythe%27s_Grin_(pacckaз)&oldid=21122)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 сентября 2022 в 18:43.